

УДК 34.023

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-73-81

Молодежный парламентаризм: тернистый путь обретения правового статуса

Тонков Е.Е. , Хмелевская И.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: etonkov@bsu.edu.ru, khmelevskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Представлено обоснование позиции авторов по актуальной в современных реалиях проблеме правового регулирования молодёжного парламентаризма как формы представительства прав и законных интересов молодёжи. Рассмотрены ключевые акты, в той или иной мере регулирующие организацию молодёжного парламентаризма в России, в частности Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации», а также Рекомендации по развитию молодёжного парламентаризма в Российской Федерации, утверждённые инструктивным письмом Минобразования России от 24 апреля 2003 года № 2. Проанализированы последние реформы в сфере государственной молодёжной политики с акцентом на непосредственное участие представителей молодёжного сообщества в её реализации. Сделаны выводы об определённом несоответствии имеющейся нормативной правовой базы в области организации молодёжного парламентаризма фактически складывающимся условиям и необходимости её модернизации.

Ключевые слова: молодёжные парламенты, молодёжные правительства, молодёжные избирательные комиссии, правовой статус, закон, государство, государственная молодёжная политика

Для цитирования: Тонков Е.Е., Хмелевская И.Г. 2023. Молодежный парламентаризм: тернистый путь обретения правового статуса. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 48(1): 73–81. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-73-81

Youth Parliamentarism: The Thorny Path of Gaining Legal Status

Evgeniy E. Tonkov , Irina G. Khmelevskaya

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: etonkov@bsu.edu.ru, khmelevskaya@bsu.edu.ru

Abstract. The article presents a substantiation of the authors' position on the problem of legal regulation of youth parliamentarism as a form of representation of the rights and legitimate interests of youth, which is relevant in modern realities. It examines the key acts regulating the organization of youth parliamentarism in Russia, in particular, the Federal Law 489-FZ, dated 30 Dec. 2020, «On youth policy in the Russian Federation», as well as Recommendations for the development of youth parliamentarism in the Russian Federation, approved by a letter of instruction from the Ministry of Education of Russia No. 2, dated 24 Apr. 2003. The authors analyze the latest reforms in the field of state youth policy with an emphasis on the direct participation of representatives of the youth community in its implementation. Conclusions about a certain inconsistency of the existing regulatory legal framework in the field of organizing youth parliamentarism with the actual conditions and the need for its modernization are drawn.

Keywords: youth parliamentarism, youth parliaments, youth governments, youth election commissions, legal status, law, state, state youth policy

For citation: Tonkov E.E., Khmelevskaya I.G. 2023. Youth Parliamentarism: The Thorny Path of Gaining Legal Status. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 73–81 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-73-81

Введение

Проблема законодательного обеспечения молодежной политики является одной из приоритетных в процессе формирования прочного правового фундамента, регулирующего различные сферы деятельности молодёжного сообщества. Все более очевидным становится вывод о том, что перманентное ситуативное изменение вектора направленности молодежной политики в зависимости от субъективных предпочтений различных политических групп, настойчивые попытки использования данной социальной общности для получения сомнительных дивидендов не способствуют достижению значимых позитивных результатов. При этом гармоничное развитие законодательства о молодежной политике невозможно представить и тем более осуществить без учета объективных потребностей общества и государства.

Нормы Конституции Российской Федерации и принятые правовые акты не исчерпывают требуемый объем необходимого юридического сопровождения. С позиции исследователей, законодательная база государственной молодежной политики в Российской Федерации последних лет априори «была лишена целостности, разбросана по различным ведомствам и не соответствовала современной политической и социально-экономической ситуации» [Саенко, 2016, с. 191]. Тем не менее на данный момент молодёжь всё чаще фигурирует в документах стратегического планирования в качестве приоритетной социальной группы, с которой целесообразно взаимодействовать при формировании новых направлений развития отечественной государственности.

Например, в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в рамках достижения цели сбережения народа России и развития человеческого потенциала обозначена, в частности, задача выявления и развития способностей и талантов у детей и молодёжи⁵⁶.

Подобный курс в определенной мере свидетельствует о выборе государством распространённого в науке подхода, согласно которому молодёжная политика должна содействовать «формированию личности, способной к саморазвитию, нацеленной на позитивные действия, имеющей нравственные устои, конкурентоспособной, ответственной, нацеленной на рост благосостояния своей страны, своей семьи» [Верещак и др., 2021, с. 25].

Реформирование и конституционализация отечественной молодёжной политики в контексте последних изменений законодательства: краткий обзор

Идея создания институциональных основ молодёжной политики нашла своё отражение в ряде нормативных правовых актов, в том числе и в Конституции страны. В результате внесения изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования, к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относятся и «общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодёжной политики»⁵⁷.

⁵⁶ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2022).

⁵⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ). URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.12.2022).

Подчеркнём, что ранее категория «молодёжная политика» на конституционно-правовом уровне в России закреплена не была. Указанное новшество стало, на наш взгляд, своеобразной знаковой предпосылкой для более углубленного подхода к регламентации правового статуса молодёжи.

Вполне объяснимым итогом фиксации в Конституции Российской Федерации названной конструкции стало принятие в 2020 году отдельного акта, устанавливающего основы молодёжной политики – Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (далее – Закон о молодёжной политике). В пояснительной записке к проекту данного федерального закона прямо указывалось, что он «разработан в целях развития положений Конституции Российской Федерации в редакции Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁵⁸. Актуальность Закона о молодёжной политике, с точки зрения инициаторов, была обусловлена «необходимостью законодательного определения на федеральном уровне целей, принципов, основных направлений и форм реализации молодёжной политики, а также регулирования отношений, возникающих между субъектами, осуществляющими деятельность в сфере молодёжной политики, при формировании и реализации молодёжной политики в Российской Федерации»⁵⁹. Иными словами, он должен был определить ключевые положения о молодёжной политике в Российской Федерации, выступить в роли системообразующего акта в заданной области, однако на практике вызвал массу вопросов.

Ещё находясь в статусе законопроекта, Закон о молодёжной политике получил критическую оценку со стороны экспертного сообщества. Группой учёных (преимущественно социологов) было направлено открытое письмо Президенту Российской Федерации В. В. Путину с просьбой отложить его принятие и продолжить доработку с учетом научной экспертизы и публичных слушаний, что активно обсуждалось и в средствах массовой информации⁶⁰. По утверждению авторов письма, документ характеризовался декларативностью и бессистемным характером, социальной, юридической и финансовой несостоятельностью⁶¹. Однако, несмотря на проявленное научным сообществом беспокойство, закон был принят без каких-либо корректив, предлагаемых в письме и приложенном к нему научно-экспертном заключении. Между тем общество всегда нуждалось в точных и совершенных правовых решениях, в такой правотворческой деятельности органов государства, в результате которой создаются нормы права, правила поведения граждан и организаций. Подобных норм и правил очень не хватало советскому обществу, однако этот нормативно-правовой дефицит был вызван не упущениями в теоретических изысканиях в сфере правотворческой деятельности (таких работ было достаточно), а другими, лежащими за пределами науки причинами.

С точки зрения С.В. Полениной [1996, с. 4], создание законодательных актов является разновидностью правотворчества, и какие бы субъекты ни участвовали в образовании правотворческой политики, она всегда остается политикой государственной, так как в организационном аспекте действие политико-правового фактора законодательной деятель-

⁵⁸ Пояснительная записка к Законопроекту № 993419-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2022).

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См.: Молодежи такой закон не нужен. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4626801> (дата обращения: 12.12.2022).

⁶¹ См.: Открытое письмо ученых «О законопроектах в сфере государственной молодежной политики, принятых Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении 11 ноября 2020 года». URL: http://www.smibpress.ru/prezidentu_rossii-skoi_federacii_v.v-putinu_otkryt.pdf (дата обращения: 12.12.2022).

ности выражается в функционировании различных элементов правовой системы, но в первую очередь системы органов государственной власти.

Государство осуществляет законодательную политику на основе изучения потребностей общества и прогнозного анализа перспектив общественного развития. Ведущим импульсом создания закона или иного нормативного правового акта служит выявленная проблема (социальная ситуация), имеющая значение для определенной группы населения или государства в целом. Не случайно поэтому до настоящего времени сохраняется необходимость внесения в Закон о молодежной политике ряда принципиально важных изменений и дополнений, но рассмотрение такого рода законопроектов перенесено Государственной Думой Федерального собрания Российской Федерации на более поздний срок⁶².

Возвращаясь к упомянутому выше обращению учёных, заметим, что в нём в качестве одного из проблемных моментов обозначается неблагоприятная характеристика рассматриваемого законопроекта как документа без внятной концептуальной основы и системного понятийного аппарата, далекого от научных представлений и имеющих научные разработки в нашей стране и за рубежом⁶³.

Относиться безразлично к подобному виду сентенциям по меньшей мере недопустимо. Это очень опасная тенденция, так как еще Ш. Монтескье [1999, с. 81] предостерегал нас о том, что «есть два рода испорченности: один, когда народ не соблюдает законов; другой, когда он развращается законами; последний недуг неизлечим, ибо причина его кроется в самом лекарстве».

Пробелы и правовые коллизии в регулировании молодёжного парламентаризма

Закон о молодежной политике действительно требует точечной доработки, прежде всего в понятийно-категориальном плане, без чего невозможно его оптимальное применение в практической плоскости – при непосредственном осуществлении различных видов деятельности молодёжного сообщества.

Так, в качестве форм участия молодёжи в реализации молодежной политики закон называет четыре самостоятельных параметра, среди которых:

«1) участие в деятельности консультативных, совещательных и иных органов, созданных при федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, а также при международных организациях;

2) организация, проведение и участие во всероссийских молодежных и международных молодежных форумах, форумах молодежи субъектов Российской Федерации, иных форумах, а также других мероприятиях в области молодежной политики;

3) проведение научно-аналитических исследований по вопросам молодежной политики;

4) подготовка и реализация молодежных инициатив, создание молодежных общественных объединений, формирование органов молодежного самоуправления при органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и их учредительными документами»⁶⁴.

⁶² См.: Законопроект № 164770-8 «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения 12.12.2022); Законопроект № 62578-8 «О внесении изменения в статью 6 Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения 12.12.2022).

⁶³ См.: Открытое письмо ученых «О законопроектах в сфере государственной молодежной политики, принятых Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении 11 ноября 2020 года». URL: http://www.smibpress.ru/prezidentu_rossii-skoi_federacii_v.v-putinu_otkryt.pdf (дата обращения: 12.12.2022).

⁶⁴ Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Российская газета. 2021. № 1.

Первая из приведённых форм вызывает особый интерес, так как прямым образом позволяет задействовать молодых людей в протекающих в государстве процессах, привлечь их к решению ряда имеющихся проблем, обеспечить учёт мнения молодёжи как особой социальной группы.

Как таковое участие молодёжи в деятельности консультативных, совещательных и иных структурах, созданных при органах государственной власти, органах местного самоуправления и международных организациях уже традиционно охватывается понятием «молодёжный парламентаризм».

Но в статье 2 Закона о молодёжной политике, посвященной основным понятиям, используемым в акте, подобной дефиниции не содержится. То есть Закон о молодёжной политике, как, впрочем, и другие, относительно недавно изданные в данной сфере акты, не включает указанный термин. Нелогичность такого подхода достаточно убедительно иллюстрирует следующее обстоятельство.

В Проекте Стратегии развития молодёжи Российской Федерации на период до 2025 года, ещё в 2013 году обосновавшем необходимость разработки Закона о молодёжной политике, прямо указывалось, что он «...должен стать базовым федеральным законом, консолидирующим все действующие правовые нормы, касающиеся молодёжной политики, закрепить основные понятия, касающиеся молодёжной политики, до сих пор не закрепленные на уровне федерального законодательства, такие как: молодёжь (молодые граждане) молодая семья, молодой специалист, молодёжный парламентаризм, инфраструктура для молодёжи, молодёжная работа, неформальное молодёжное образование, общественно-значимая деятельность молодёжи»⁶⁵. К сожалению, документ так и остался в статусе проекта, а принятое вместо него Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года» молодёжный парламентаризм как самодостаточную конструкцию фактически проигнорировало⁶⁶.

В целом, сегодня единственным федеральным актом общего характера, регулирующим организацию молодёжного парламентаризма, являются Рекомендации по развитию молодёжного парламентаризма в Российской Федерации (далее – Рекомендации), утверждённые инструктивным письмом Минобразования России от 24 апреля 2003 года № 2.

Рекомендации позиционируют молодёжный парламентаризм как «систему представительства прав и законных интересов молодёжи как особой социальной группы, основанную на создании и функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодёжи – молодёжного парламента, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства»⁶⁷.

Молодёжный парламентаризм на практике, согласно Рекомендациям, может быть реализован в трёх ключевых форматах, среди которых: «молодёжные парламенты, созданные при органах законодательной (представительной) власти; молодёжные парламенты или молодёжные правительства, созданные при органах исполнительной власти; молодёжный парламент как социальная программа органов законодательной, исполнительной власти, одного или нескольких молодёжных общественных объединений»⁶⁸.

⁶⁵ Проект Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <https://fadm.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2022).

⁶⁶ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.12.2022).

⁶⁷ Инструктивное письмо Минобразования РФ от 24 апреля 2003 года № 2 «О развитии молодёжного парламентаризма в субъектах Российской Федерации». Бюллетень Минобразования РФ. 2003. № 6.

⁶⁸ Инструктивное письмо Минобразования РФ от 24 апреля 2003 года № 2 «О развитии молодёжного парламентаризма в субъектах Российской Федерации». Бюллетень Минобразования РФ. 2003. № 6.

В результате мы наблюдаем ситуацию, при которой молодёжный парламентаризм, став уже привычным явлением, в правовой плоскости регламентируется лишь ведомственным актом почти двадцатилетней давности, а недавнее реформирование законодательства в сфере молодёжной политики оставило без внимания данный сегмент активности молодёжи.

Содержательные аспекты молодёжного парламентаризма и целесообразность их легальной фиксации

С учётом существования таких структур как Молодёжный парламент при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Ассоциация Молодёжных правительств Российской Федерации, Союз Молодёжных избирательных комиссий России, а также множества их региональных и муниципальных моделей, избегание законодателем непосредственно термина «молодёжный парламентаризм» представляется нам не совсем корректным.

Удачное использование инструментария юридической терминологии является одним из основных катализаторов эффективности норм права, так как с его помощью пользователь познаёт их действительное содержание. Как показывают исследования, «немалая часть ошибок в правоприменении базируется именно на терминологических неточностях российского законодательства, на несоответствиях в терминологической объективации смысла одних и тех же понятий» [Тонков, Туранин, 2017, с. 113].

В силу широкого распространения молодёжных консультативных, совещательных и иных компонентов при различных органах публичной власти и обозначения их работы в качестве одной из непосредственных форм участия молодёжи в реализации молодёжной политики важно на легальном уровне закрепить понятие молодёжного парламентаризма, раскрыть его содержательное наполнение.

Рассуждая о последнем, отметим, что исследователи данной проблематики в своих работах, как правило, приводят определение, используемое именно в Рекомендациях [Пастухова, 2010; Тумуров, 2013], иногда незначительным образом видоизменяя его [Гукова, 2014].

Считаем оправданным обратить внимание на тот факт, что затронутое понятие изначально было сформулировано в рамках I Всероссийского семинара-совещания «Развитие молодёжного парламентаризма в Российской Федерации» и только впоследствии нашло закрепление в тексте Рекомендаций [Пастухова, 2010], которые, собственно, и были разработаны на основе материалов названного мероприятия.

Общий анализ уже укоренившейся дефиниции позволяет заключить, что она в значительной степени корреспондирует современным реалиям, но с рядом важных уточнений.

Во-первых, в тексте Рекомендаций приоритет отдаётся именно парламентам при законодательных органах, несмотря на открытый перечень молодёжных структур⁶⁹.

Полагаем, что акцент на так называемом «парламентском характере» в чистом виде уже не соответствует текущим условиям. В наши дни высока значимость молодёжных правительств, избирательных комиссий и прочих конструкций. Более того, с нашей позиции, молодёжный парламентаризм – явление системное. Для полноценного учёта мнения молодёжи необходимо сформировать содержание и структуру полноценного механизма по аналогии с органами публичной власти, организация которых основана на разделении властей и их равенстве. Молодёжные структуры при законодательных органах не должны превалировать над аналогичными компонентами при органах исполнительной власти или над какой-либо другой группой. Молодёжь должна быть равным образом задействована во всех сегментах для эффективного выражения своих взглядов.

⁶⁹ См.: Инструктивное письмо Минобразования РФ от 24 апреля 2003 г. № 2 «О развитии молодёжного парламентаризма в субъектах Российской Федерации». Бюллетень Минобразования РФ. 2003. № 6.

Во-вторых, рассматриваемый термин не учитывает муниципальный аспект развития молодёжного парламентаризма, игнорируя отмечаемую в доктрине роль муниципальной молодёжной политики как важнейшего инструмента для формирования, развития и активного использования молодёжного потенциала [Бутова, 2014].

Несмотря на то, что Рекомендации называют уровень муниципалитетов как самостоятельное звено в системе молодёжного парламентского движения⁷⁰, в определении самого молодёжного парламентаризма предпочитают уклониться от использования формулировки «органы местного самоуправления», указывая лишь на органы государственной власти.

Данное обстоятельство обуславливает определённое критическое положение всей системы молодёжного парламентаризма. Организация молодёжных парламентских структур видится нам в форме неустойчивой пирамиды, не имеющей прочного основания – муниципальных образований, без которых невозможно стабильное функционирование более высоких элементов.

В-третьих, сочетание «иные общественные институты участия молодых граждан в жизни государства» не характеризуется конкретикой, позволяет причислить к молодёжному парламентаризму практически любую деятельность молодёжи, так или иначе сопряжённую с государственным механизмом.

Для понятийного аппарата недопустима такая «размытость» границ – категории должны быть чёткими и однозначными, лишь в таком случае возможно говорить об их оптимальном применении в практической системе координат. Смысл и значение правотворчества заключаются в том, чтобы избрать такой вариант регулирования, юридической регламентации, который бы в наиболее полной мере отвечал интересам и целям народа и законодателя, способствовал прогрессу общества. При этом требуются учёт закономерностей развития социума, благоприятных объективных и субъективных условий для принятия и применения закона, а также выбор оптимальной правовой формы государственного решения.

Таким образом, широко тиражируемая дефиниция молодёжного парламентаризма, предлагаемая в тексте Рекомендаций, по ряду причин не коррелируется с ситуацией *de facto*, что предопределяет необходимость её модификации согласно складывающимся и прогнозируемым условиям.

Мы предлагаем рассматривать молодёжный парламентаризм как систему представительства прав и законных интересов молодёжи, которая может быть реализована в форме создания и функционирования при органах публичной власти или в установленном ими порядке консультативных, и совещательных и иных молодёжных структур.

Заключение

Резюмируя, укажем на тот факт, что сегодня довольно острой является проблема качественного правового обеспечения молодёжного парламентаризма, который буквально существует на фоне отсутствия полноценной юридической базы, что не позволяет создать прочные институциональные основы для его развития в Российской Федерации.

По справедливому мнению П.А. Меркулова, «эффективная реализация политики в отношении новых поколений требует наличия полноценных государственно-управленческих механизмов, в основе которых должен лежать полноценный нормативно-правовой фундамент с разветвленной системой иерархически выстроенных нормативных документов» [Меркулов, 2021, с. 5]. Данное утверждение в полной мере описывает «требования» к организации нормативного регулирования в сфере молодёжного парламентского движения. Молодёжный парламентаризм, находясь вне правового поля, не в состоя-

⁷⁰ См.: Инструктивное письмо Минобразования РФ от 24 апреля 2003 г. № 2 «О развитии молодёжного парламентаризма в субъектах Российской Федерации». Бюллетень Минобразования РФ. 2003. № 6.

нии занять приоритетную нишу в области участия молодёжи в управлении процессами, протекающими в государстве, которой мог бы стать. Для популяризации текущего направления и его стабильной работы необходим качественный подход законодателя к этому вопросу, разработка новых нормативных источников, соответствующих реальным обстоятельствам.

Повышение качества правовых решений, снижение до минимума числа неэффективных нормативных актов – постоянная задача правоустановителя. Именно этим объясняется теоретическое и практическое значение изучения проблем, связанных с процессом создания норм права. «Потребителями» законов являются люди, общество, и любая ошибка законодателя влечет неоправданные материальные затраты, нарушение интересов граждан. Можно привести немало фактов из отечественной истории, когда социальная и духовная сферы пострадали от непродуманных, научно не обоснованных и некорректных правовых решений.

Список литературы

- Бутова Т.В., Дунаева А.И., Удачин Н.О. 2014. Проблемы реализации молодежной политики на муниципальном уровне. *Науковедение*, 3(22): 1–10.
- Верещак С.Б., Абрамова Л.А., Верещак А.В. 2021. Новые векторы правового регулирования молодежной политики в контексте федерального и регионального законодательства. *Право и практика*, 3: 24–28. DOI: 10.24412/2411-2275-2021-3-24-28
- Гукова И.Н. 2014. Роль молодежного парламентаризма в развитии общественно-политической активности современной Российской молодежи. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*, 1(172): 169–174.
- Меркулов П.А. 2021. Новый федеральный закон как завершение процесса конституционализации молодежной политики в Российской Федерации. *Вестник ПАГС*: 2: 4–19. DOI 10.22394/1682-2358-2021-2-4-19
- Монтескье Ш.Л. 1999. *О духе законов*. М., Мысль, 672 с.
- Пастухова Л.С. 2010. Молодежный парламент как форма политической социализации молодежи. *Власть*, 2: 44–48.
- Поленина С.В. 1996. *Законодательство в Российской Федерации*. М., ИГПАН, 145 с.
- Саенко Т.В. 2016. О некоторых проблемах реализации молодежной политики: федеральный и региональный аспекты. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*, 22(243): 193–199.
- Тонков Е.Е., Туранин В.Ю. 2017. Перспективы совершенствования юридической терминологии в контексте развития современной законодательской деятельности. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 3(252): 113–116.
- Тумуров Ж.Т. 2013. Молодежный парламентаризм как политическое явление. *Вестник ЗабГУ*, 10: 32–37.

References

- Butova T. V., Dunaeva A. I., Udachin N. O. 2014. Problems of policy implementation at the municipal level. *Online journal "SCIENCE Studies"*, 3(22): 1–10. (In Russian).
- Vereshchak S. B., Abramova L.A., Vereshchak A. V. 2021. New vectors of legal regulation of youth policy in the context of federal and regional lawmaking. *Pravo i praktika*, 3: 24–28. (In Russian). DOI: 10.24412/2411-2275-2021-3-24-28
- Gukova I.N. 2014. The role of youth parliamentarism in the development of social and political activity of modern Russian youth. *Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy, Sociology, Law*, 1(172): 169–174. (In Russian).
- Merkulov P.A. 2021. New Federal law as the completion of the youth policy constitution-nalization process in the Russian Federation. *Bulletin of the volga region Institute of Administration*, 2: 4–19. (In Russian). DOI 10.22394/1682-2358-2021-2-4-19
- Montesk'e Sh.L. 1999. *O duhe zakonov*. [About the spirit of the laws]. M., Mysl', 672 p.
- Pastuhova L. S. 2010. *Molodezhnyj parlament kak forma politicheskoy socializacii molodezhi* [Youth parliament as a form of political socialization of youth]. *Vlast'*, 2: 44–48.

- Polenina S.V. 1996. Zakonotvorchestvo v Rossijskoj Federacii. [Lawmaking in the Russian Federation]. M., IGPAN, 145 p. (In Russian)
- Saenko T.V. 2016. On some issues of youth policy implementation: federal and local aspects. Belgorod State University Scientific Bulletin. History, Political science, 22(243): 193–199. (In Russian)
- Tonkov E.E., Turanin V.Y. 2017. Prospects for improving the legal terminology in the context of the development of modern legislative activity. Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy, Sociology, Law, 3(252): 113–116. (In Russian)
- Tumurov Zh. T. 2013. Youth parliamentarians as a political phenomenon. Vestnik ZabGU, 10: 32–37. (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.12.2022
Поступила после рецензирования 19.12.2022
Принята к публикации 22.12.2022

Received December 2, 2022
Revised December 19, 2022
Accepted December 22, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тонков Евгений Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID 0000-0001-5559-0835](https://orcid.org/0000-0001-5559-0835)

Хмелевская Ирина Геннадиевна, аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID 0000-0002-4567-2017](https://orcid.org/0000-0002-4567-2017)

Evgeniy E. Tonkov, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID 0000-0001-5559-0835](https://orcid.org/0000-0001-5559-0835)

Irina G. Khmelevskaya, Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID 0000-0002-4567-2017](https://orcid.org/0000-0002-4567-2017)